

ИЗГОЙ, КРАХ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

Дмитрий Серков

18+

Дмитрий Серков

Изгой, крах советской империи

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Серков Д.

Изгой, крах советской империи / Д. Серков — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Он – сын своей страны, сын своего времени, дитя, порожденное Системой. Он – один из немногих, глубоко законспирированный агент спецслужб, выполняющий особые поручения. Живая легенда. Его оперативный псевдоним Алекс. По воле своего руководства оказываясь втянутым в политические интриги и погруженный в самую пучину тревожных событий августа 1991 года, он вынужден лицом к лицу столкнуться с народным единством и негодованием, верностью и предательством, чувствуя, как меняется и его собственное мировоззрение.

*Закон у нас простой: вход – рубль, выход – два.
Это означает, что вступить в организацию трудно,
но выйти из нее – труднее. Теоретически для всех
членов организации предусмотрен только один выход
из нее – через трубу. Для одних этот выход бывает
почетным, для других – позорным, но для всех есть
только одна труба...*

Виктор Суворов «Аквариум»

У них всегда существовало два плана. План А и план Б. Не то что бы чья-то светлая мысль родила прогрессивную идею: количество вариантов сформировалось в процессе эволюции. План А – это дипломатия. Цивилизованный способ решения межгосударственных вопросов. Когда высокообразованные мужи, а ныне и дамы, облаченные в строгие деловые костюмы, садятся за стол переговоров и ищут выход из безвыходных ситуаций.

Это видимая часть айсберга.

Но если дипломатия заходит в тупик, приходит время для реализации плана Б.

План Б – это армия. Путь жестокий и бескомпромиссный. С изобретением ядерного оружия ставший трудно применимым и наименее предпочтительным, грозящий глобальными потрясениями.

Но есть в плане А один подпункт – козырь в рукаве опытного дипломата – известный всем, но видимый только посвященным. Спецслужбы. Карта, разыгрываемая в момент, когда договориться не получается, а воевать – себе дороже. Их задача – добыть информацию или сгладить шероховатости, сделав переговорный процесс договороспособным. Путь серый, темный, не всегда законный, всячески скрываемый, и потому обрастаемый легендами. Человеческий мозг так устроен: если чего-то не знает, то обязательно додумает.

Этот путь – для избранных. Когда все вокруг обгадились, только специалист способен повернуть ход событий в нужное русло. Но настоящих профессионалов всегда считанные единицы. Чтобы всех их пересчитать, хватит, пожалуй, пальцев на обеих руках. У спецслужб любого из уважающих себя государств обязательно найдется пара–тройка агентов про запас, глубоко законспирированных и существующих автономно, но готовых по первому зову встать в строй. Они мусорщики, санитары политических противостояний. Тени, появляющиеся из ниоткуда и исчезающие в никуда.

Он никогда не был штатным сотрудником Комитета, но часто выполнял деликатные поручения, о которых не знали ни дипломаты, ни политики, во все времена предпочитающие принимать судьбоносные решения с трезвой головой и чистыми руками. Оперативник, привыкший работать «в полях» без поддержки, надеясь только на себя.

Глубоко законспирированный даже в мирной жизни, освоивший гражданскую профессию, он не привлекал к себе внимания, поддерживая связь с помощью условных знаков в заранее оговоренных местах, или произнося по телефону ключевую фразу. Никаких личных контактов. Вероятность раскрытия – нулевая.

Его просто не было!

Такие агенты, как он, дорогого стоили.

Их отбирали и воспитывали с юности. Воспитывали в строжайшей дисциплине и беспрекословном подчинении приказам, отклониться от исполнения которых невозможно. Обладая сильнейшей мотивацией, заложенной на рефлекторном уровне, они становились универсальными солдатами, машинами для защиты Родины без страха и упрека. Огромные финансовые и человеческие ресурсы, затраченные на подготовку подобных агентов, в купе со стро-

жайшей секретностью не позволяли поставить производство таких диверсантов «на конвейер». Исключительная штучная работа.

В угоду строжайшей секретности спускавшиеся сверху указания поступали только одному человеку, знавшему бойцов поименно. Где-то в кабинетах на площади Дзержинского к нему обращались по званию и имени отчеству, а в отряде величали просто: Отец. Непрерываемый авторитет. Главнокомандующий маленькой непобедимой армии.

Алекс был лучшим из лучших, любимым учеником Отца. Профи, работавший в Западной Европе и США. О большей части совершенных им операций регулярно трубили иностранные СМИ, а местные власти зарабатывали очередное очко в свой актив, отчитываясь перед электоратом об удачно проведенном расследовании. Мало кто знал, что попадались в руки властей другие, заинтересованные, но не ударившие и пальцем о палец для достижения цели. Реакционно настроенные группы молодежи, политические оппоненты или коммерческие конкуренты. Он не ощущал за собой чувства вины, бросая в мясорубку правосудия людей посторонних ради сокрытия истиной причины случившегося. Всегда считал, что лучше сделать и пожинать плоды, чем отсидеться и сожалеть о том, что могло бы случиться.

...В этот раз все вышло как-то неожиданно и сумбурно. Тревожный звоночек прозвонил мгновением раньше – он всегда верил инстинктам, воспитанным длительной муштрой. И когда рядом скрипнула тормозами выдавшая виды двадцать четвертая «Волга», понял, что провалился. Впервые в жизни осознал, что даже тренированный организм может сбоить. Всего доля секунды, а он опоздал. Две пары сильных рук блокировали движения, и под правую лопатку вонзилась игла. Неизвестный препарат ворвался в кровеносные сосуды, с жаром разносясь по телу. Еще воспринимаемая действительность, Алекс сник, потеряв контроль над конечностями. На ум пришла безупречно проведенная в 1978 году в Лондоне ликвидация болгарского диссидента Георгия Маркова, отравленного рицином. Только сейчас все прошло грубее и жестче.

Кляня себя за беспомощность, вызванную халатной невнимательностью, Алекс терял сознание, надеясь уже никогда не открыть глаза. Страшно было не умереть, а оказаться в лапах врага.

Сознание возвращалось долго и мучительно больно. Из чрева черепной коробки стучался на волю чугунный молот, тошнотой отзываясь в желудке. Горела спина под правой лопаткой, руки и ноги онемели, налившись свинцом. Глаза застилала белая пелена. Алекс старался упорядочить ход мыслей, с бешеной скоростью носившихся по извилинам головного мозга в беспорядочном броуновском движении. Прислушался, пытаясь собрать информацию об окружающем мире. Дуновение ветра. Шорох. Шелест листов бумаги. Мерное дыхание человека, эхом отраженное от стен.

Он в помещении. Живой.

Зачем?

Превозмогая боль, он позволил себе разомкнуть веки. Игры в полутруп – для героев романа. Ему же все равно не избежать действительности. Так что стоило сориентироваться на местности, а дальше – в бой. Может, все-таки убьют раньше, чем добудут интересующую информацию.

Огляделся.

Небольшая полутемная комната, три на четыре метра. Бетонные серые стены, и только одна, напротив которой он сидел, прикрыта тяжелой портьерой, скрывая, видимо, окно. Из всей обстановки – массивный стол возле портьеры, за которым едва различался одинокий человеческий силуэт, и деревянный стул, на котором сидел он. Все. Наверное, именно так должны выглядеть страшные подвалы легендарного здания на площади Дзержинского, из которых можно увидеть Колыму.

Яркий свет настольной лампы, прорезав полумрак, стеганул по глазам, заставив сомкнуть веки и сгустив краски вокруг.

– Ну что же, наш боец, похоже, пришел в себя, – Алекс услышал низкий с хрипотцой голос, доселе незнакомый, – ты уж прости, что мы обошлись с тобой грубо. Ваша система коммуникации безупречна с точки зрения безопасности, но рассчитана на длительное время, а время сегодня не ждет. Время сегодня – на вес золота. Так что не до паролей и явок было.

Свои. Или прикидывается? Процедура инициализации агента действительно предусматривала многоступенчатую систему контроля и проверок, исключая доступ в систему посторонних. Но на то и секретность. Спешка ж нужна при охоте на блох.

Алекс потер руки, проверяя дееспособность, и обнаружив отсутствие наручников или других средств, сковывающих свободу передвижений, подивился безалаберности тюремщиков.

– Уберите свет, – потребовал он, облизав пересохшие губы.

Пучок света опустился вниз, осветив обитую зеленым сукном столешницу. Голос хозяина кабинета предостерег:

– Не делай резких движений, твои рефлексы еще пару часов будут подвергаться воздействию препарата, так что ты и шагу ступить не сможешь... – Алекс увидел протянутый граненый стакан с бесцветной жидкостью. – Выпей. Тебя сильно мучает жажда. Это тоже реакция организма на сыворотку... Пей, пей. Больше мы тебя травить не собираемся. Ты нам живой нужен и здоровый. Полный сил и готовый к свершениям.

Миролюбивый тон не мог ввести его в заблуждение, но Алекс вынужден был согласиться. Тело, которое он привык контролировать всегда и везде, жило собственной жизнью, двигаясь, будто погруженное в густое желе. Руки дрожали. Едва не расплескав содержимое, он в один глоток осушил стакан, попросил еще.

Несмотря на то, что собеседник был в штатском, выправка безошибочно указывала на прямую принадлежность к определенным негражданским ведомствам.

– Я полковник госбезопасности, управление «В». Зови меня Иваном Денисовичем, – тихо представился тюремщик, – я знаю о тебе, Алекс, больше, чем ты можешь представить. Франция, Германия, Бельгия, Португалия. Даже Соединенные Штаты. Тринадцать безупречных операций. И все чисто. Да, бесспорно, это заслуживает уважения.

– Тринадцать – несчастливое число. Что вам надо? – усталость больно давила на виски, и он не был настроен ходить вокруг да около, предпочитая сразу расставить все точки над «i».

Полковник присел на край стола, заслонив настольную лампу. Даже в темноте Алекс чувствовал обжигающую силу взгляда, неумную энергию и тяжелую ауру, способную задавить не прибегая к физическому насилию.

– У нас есть для тебя деликатное поручение...

Алекс не услышал, а скорее почувствовал, как сзади отворилась дверь. К столу неспешной подошел человек, которого он меньше всего ожидал увидеть в сложившейся ситуации. Человек, которому доверял безмерно и за которого не задумываясь готов был пожертвовать жизнью. Отец. Как всегда в строгом темно-синем костюме-тройке в тонкую голубую полоску. Как всегда с постриженными по уставу непокорными седыми волосами.

Тишина повисла под низким потолком. Разворачивающееся здесь действие не являлось для Отца тайной.

– На кону стоит целостность нашей Родины, – с расстановкой произнес он. – Ты должен выполнить один приказ, Алекс. Знаю, что наши действия противоречат всем возможным инструкциям, но такова историческая ценность момента. Подробности узнаешь от Ивана Денисовича. Вопросы есть?

Алекс пристально посмотрел на присутствующих. Отметил их схожесть – точно близнецы-братья. Сведенная к абсолюту беспомощность, спровоцированная коллегами по цеху, породила в нем волну агрессии.

– Всего один, – злорадно прошипел он, – почему со мной так обошлись?! Или после перестройки стаж и качество работы уже ни во что не ставится?

* * *

Необъяснимая и символичная тяга российских правителей 20 века к бронетехнике и революциям является, несомненно, одним из неоспоримых символов советской эпохи. Рождение и смерть. В начале столетия – лидер партии большевиков, в конце – явная противоположность – человек, с помпой покинувший ряды членов КПСС.

3 апреля 1917 года Владимир Ульянов, вернувшись в Петроград из эмиграции, выступил перед народом прямо на Финляндском вокзале, оглашая «Апрельские тезисы», используя в качестве трибуны броневый автомобиль «Остин-Путиловец». А спустя семьдесят четыре года, 19 августа 1991 года Борис Ельцин стоял на танке № 110 Таманской дивизии, обращаясь к гражданам своей страны:

– В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны. Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом.

При всех трудностях и тяжелейших испытаниях, переживаемых народом, демократический процесс в стране приобретает все более глубокий размах, необратимый характер. Народы России становятся хозяевами своей судьбы. Существенно ограничены бесконтрольные права неконституционных органов, включая партийные. Руководство России заняло решительную позицию по Союзному договору¹ [*Союзный договор – разработанный уполномоченной центральной и республиканскими властями рабочей группой в рамках т. н. ново-огарёвского процесса весной-летом 1991 года проект «Договора о Союзе суверенных государств» по заключению нового союза – Союза Суверенных Государств (ССГ) как мягкой федерации, отменявший «Договор об образовании Союза ССР 1922 года»*], стремясь к единству Советского Союза, единству России. Наша позиция по этому вопросу позволила существенно ускорить подготовку этого Договора, согласовать его со всеми республиками и определить дату его подписания – двадцатое августа сего года. Такое развитие событий вызвало озлобление реакционных сил, толкало их на безответственные, авантюристические попытки решения сложнейших политических и экономических проблем силовыми методами. Ранее уже предпринимались попытки осуществления переворота.

Мы считали и считаем, что такие силовые методы неприемлемы. Они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе «холодной войны» и изоляции Советского Союза от мирового сообщества.

Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый «комитет»² [*имеется в виду ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению) – самопровозглашённый орган, состоявший из ряда высших государственных лиц СССР в ночь с 18 на 19 августа 1991 года. Комитет произвёл неудавшуюся попытку предотвратить распад СССР путём срыва подписания 20 августа 1991 года «Договора о Союзе суверенных государств»*]. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого «комитета».

Уверены, органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным законам и Указам Президента РСФСР.

Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию.

Безусловно, необходимо обеспечить возможность Президенту страны Горбачеву выступить перед народом. Требуем немедленного созыва Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР. Мы абсолютно уверены, что наши соотечественники не дадут утвердиться произволу и беззаконию потерявших всякий стыд и совесть путчистов. Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участия в реакционном перевороте.

До выполнения этих требований призываем к всеобщей бессрочной забастовке. Не сомневаемся, что мировое сообщество даст объективную оценку циничной попытке правового переворота...

* * *

В просторном коридоре Дома Советов РСФСР находилось несколько человек. Высокие широкоплечие мужчины, выбранные из массы народа, скопившейся вокруг Дома Советов, отдавшей свой голос и силу зарождающейся демократии. Отбирали специально, отслуживших в Армии, участников боевых действий – обстрелянных и тренированных, способных до последнего противостоять возможной агрессии. Десантники. Элита вооруженных сил. Еще «вчера» выполнявшие интернациональный долг в Афганистане, а сегодня попавшие в плавильный котел перемен. В меру безбашенные и уверенные: никто кроме нас! Сегодня страна нуждалась в защите: в стальных мышцах и негибкой воле.

Проверив военный билет с отметками о срочной службе и проведя краткое собеседование, им выдали оружие и организовали дежурство. Таких постов по всему зданию было множество: каждый этаж разбили на сектора со своей системой контроля. И чем ближе к кабинетам высшего руководства, тем контроль осуществлялся жестче.

Неоднократно мимо проходил солидный мужчина с густыми усами, стремясь поднять боевой дух, задавал один и тот же вопрос:

– Ну, как, ребята, победим?!

– Конечно, победим! – звучало в унисон в ответ.

– Хорошо, очень хорошо! – ухмылялся усатый.

Наэлектризованный воздух гудел от напряжения. Запахи пота, еды, оружейной смазки смешивались с ветром непредсказуемого, но лучшего будущего, беспощадно врывавшегося в открытые окна. «Перемен, мы ждем перемен!» – совсем недавно пел Виктор Цой, ставший неформальным гласом проходивших свершений. И перемены бесстрашно стучались в двери. Их ждали. На них надеялись. В них верили. Особенно это чувствовалось здесь, в близких коридорах, на площади, где вершилась история.

Но пуще перемен собравшиеся возле Дома Советов ждали штурма. Старый строй не сдастся без боя, не выпустит из рук власть, пестую на протяжении семидесяти лет. Счет шел не на дни, не на часы, а на минуты.

Важность момента кружила головы, заставляла кипеть в крови адреналин. Часы неумолимо отсчитывали судьбоносные мгновения. Бом-бом.

Прошел слух, что в Москву вошли подконтрольные ГКЧП колонны бронетехники, часть которых оцепила телецентр и, вроде бы, направлялась к Белому Дому. И теперь огромное количество людей в едином порыве вставало на защиту не только и не столько избранного ими правительства и Президента РСФСР, а своей веры и права войти в давно обещанное светлое будущее.

Вчерашние десантники расположились в просторном холе в мягких кожаных креслах, настороженно взирая на прибывшую незадолго до них группу. Бойцы, хладнокровно сжимавшие вороненую сталь «калашниковых», о чем-то тихо переговаривались. Скроенные, точно по одному лекалу – накачанные литые торсы под футболками и куртками-ветровками, прямые

широкие плечи, одинаково-серые каменные лица и короткие уставные стрижки – они держались особняком. Избранные.

И только когда группа в сопровождении депутата скрылась на лестнице, десантники вздохнули с облегчением.

– Не нравятся мне эти ребята, ой, как не нравятся, – шепотом сказал один из оставшихся, – обратили внимание на их выправку?

– Да от них за версту Комитетом разит, – согласился второй.

– Ох, и каша заваривается, – вставил свое слово Алекс.

Попасть в число защитников Белого Дома оказалось проще, чем казалось с площади Дзержинского. В его кармане лежал военный билет с отметкой о выполнении интернационального долга «за речкой»³ [*имеется в виду служба в Афганистане, где Советские войска исполняли свой интернациональный долг в период с 1979 года по 1989 год. Река Аму-Дарья протекает по границе, разделявшей СССР и Афганистан.*], а в голове – безупречная легенда о Кандагаре и Баграме, имена, фамилии и звания командиров. Ранение и госпиталь. Риск сводился к минимуму – встретить «сослуживцев». Но на просторах необъятной Родины – что иголка в стогу сена.

В конце коридора показался седовласый Президент РСФСР со свитой. Увлеченный деловым разговором он даже не удостоил вниманием вытянувшуюся, как по команде, новоявленную охрану.

Мобилизуя силы, Алекс щелкнул флажком предохранителя, готовый в любую секунду принять бой.

– Спокойно, сигнала пока не было, – напарник, присутствие которого вызывало больше вопросов, чем давало ответов, мягко положил ему руку на плечо.

Проводив Президента взглядом, Алекс закинул автомат за спину и зашагал вдоль по коридору. Он умеет ждать и будет покорно это делать, дожидаясь приказа на исполнение, но время идет, а хорошей возможности может больше не представиться.

Полученный в тот вечер 15 августа от Ивана Денисовича и подтвержденный Отцом приказ был прост и понятен. Ликвидация одного из видных политических деятелей. Страховочный вариант. Удивляло лишь то, что работать придется на территории своей страны, дома: раньше подобное категорически запрещалось. Операция проводится под прикрытием и тем оружием, которым удастся разжиться непосредственно в здании парламента РСФСР, в крайнем случае, голыми руками.

В напарники дали молодого офицера, в чине не выше капитана. Скорее всего, откуда-то из спецподразделений. Возможно, управление «А». Хотя их специфика – антитеррор, а не диверсионная деятельность. Как объяснил Иван Денисович, в обязанности капитана входит координация спецоперацией и охрана Алекса, но как тот сам догадывался, и избавление системы от него не только в случае провала, но и при удачном исходе. Дело в любом случае получит широкий резонанс. Так что, по-любому, концы в воду.

Сигналом к действию послужат заветные слова пароля, произнесенные неизвестным связным. Как он попадет сюда, откуда, и кем окажется, Алекса волновало мало. Его не удивит, если на лацкане пиджака связного будет депутатский значок. Тогда останется лишь нажать на спусковой крючок, и приговор приведен в исполнение. Единственная угроза – присутствие неизвестной группы спортивного телосложения мужчин, появившаяся в коридорах Белого Дома незадолго до «десантников». Эти ребята не из детского сада, а ведомства посерьезнее: либо КГБ, либо ГРУ. И цель их присутствия не совсем ясна.

В сегодняшнем хаосе у каждого свои интересы.

Выбивая барабанную дробь на рожке автомата и взвешивая возможные варианты развития событий, Алекс откинулся на мягкую спинку кресла, прикрыв глаза. Время шло, часы продолжали отсчитывать мгновения. Бом-бом! А руководство молчит. Между тем, с каждым

поворотом стрелок, ситуация усложняется. Все больше и больше народа стекается на площадь к Белому Дому. Растет напряжение, а вместе с ним повышается бдительность защитников и их лидеров. То, что еще вчера казалось невозможным, сегодня кажется вполне осязаемым. Они уже видят новую жизнь. Они уже чувствуют бразды правления в своих руках. Еще чуть-чуть, и их не остановить.

Бом-бом! С каждым ударом часов вероятность удачного исхода операции тает, как дым. Еще вчера было возможно нейтрализовать сегодняшних лидеров без негативных последствий для страны. Сегодня их поддерживает народ, и смерть вызовет эффект разорвавшейся бомбы, разожжет пожар, пламя которого поглотит множество жизней. Завтра результат операции будет равняться нулю. Маховик истории раскрутится настолько, что остановить развитие событий окажется вне человеческих сил. Место павших займут новые лица, и удержать от развала разрываемую на части страну будет невозможно. Все это уже происходило. Уже случилось. Каких-то семьдесят лет назад.

Бом-бом!

Почему не дали команды к действию?

Может, кто-то в высших кабинетах затеял свою игру? Или, наоборот, залег на дно? Противостояние ГКЧП и Российской власти не может длиться вечно. Конфликт разрешится за несколько дней, а если и не разрешится, то вектор развития будет определен. Достаточно выждать несколько дней, проволочить, чтобы узнать, на чью сторону качнется чаша весов. И никаких фатальных последствий. В среде власть имущих обязательно найдется место конъюнктурщикам. Если власть ГКЧП утвердится, этот «некто» получит нагоняй за нерасторопность и сможет свалить все на нерадивых исполнителей, если же сохранится власть Президента, то с чистой совестью можно будет выступить одним из главных изобличителей хунты, грудью вставшим на защиту демократии.

Появившийся неизвестно откуда рядом с охраной пузатый, краснощекий чиновник уже в который раз сообщил, что готовится штурм здания.

– Любой ценой мы должны устоять, – из его уст слова лились особенно пафосно. – Ребята, вы десантники, и не зря вам Верховный Совет под свой страх и риск выдал оружие... Мы должны быть негибаемы... Конечно, страшно... «Альфа» будет штурмовать парламент РСФСР. Эти парни не подарок, но на нашей стороне признание народа.

– В Афгане не боялись и здесь не испугаемся, – поддержали его десантники.

Алекс лишь неопределенно повел плечами, не разделяя уверенности остальных. Дождавшись, когда все отойдут в сторону, он повернулся к напарнику.

– И что ты думаешь? – капитан заметно нервничал. Перспектива попасть меж жерновами мельницы ему не казалась привлекательной.

– Что думаю?! – Алекс поразился предательской безалаберности чиновника, готового жертвовать человеческими жизнями, – а ничего! Смелый он очень: «Альфа» не подарок, но на нашей стороне народ». Правильно. Народ будет отдуваться, а они отсилятся в бункере. – Он оскалил в улыбке свои ровные, жемчужные зубы. – Тебе ли не знать, что если сюда придут ребята из «семерки», здесь камня на камне не останется. Живьем сожрут и соли не попросят.

Капитан хорошо представлял, о чем идет речь. Его лоб покрылся испариной, мертвецкая бледность легла на лицо. И хотя старался контролировать свои эмоции, не мог скрыть, что оперативная работа его утомляет. «Штабист», – подумал Алекс, скорректировав первоначальную оценку. Но, несмотря на шок от происходящего, капитан мыслил трезво. Его разум не требовал жертвоприношений на алтарь сохранения власти:

– Единственное, что спасет собравшихся здесь – отказ «Альфы» от выполнения приказа. Если они не пойдут на Белый Дом. Это же гражданская война! «Альфа» – солдаты, а не убийцы.

Алекс готов был покрутить пальцем у виска. Подобное не вписывалось в его систему координат. Приказы командования не обсуждаются, а неукоснительно выполняются. Иначе – хаос. Бардак. То, что происходит здесь и сейчас.

– Шутишь? Единственное, что может уберечь эту слепую фанатичную толпу, собравшуюся здесь, – отсутствие приказа подразделению «А», иначе...

Капитан спорить не стал. Лишь поднял глаза на ликвидатора, стараясь оценить серьезность его слов. Неужели он, и правда, никогда не сомневается в правильности поступков представителей власти и отдаваемых приказов. Неужели у него никогда не возникает вопросов?

– Вон кто-то идет.

Указав в конец коридора, Алекс встал навстречу подходящему к ним высокому сухопарому мужчине средних лет, облаченному в серый костюм с депутатским значком на лацкане пиджака. В свете неоновых ламп бильярдным шаром блестела его облысевшая голова, покрытая пигментными пятнами.

– Так, бойцы, подъем и шагом марш за мной. – Голос, не подчиниться которому нельзя. – Быстрее, у нас нет времени.

Они прошли по коридору вдоль множества одинаковых дверей, вышли на лестницу и начали подниматься. Преодолев несколько пролетов, окунулись в лабиринт безликих коридоров, пока депутат не привел их в просторный кабинет и не усадил на широкий диван, стоявший возле окна. Вчетвером они с трудом поместились на нем, превратившись в слух.

Большое помещение было отделано фанеровкой карельской березы, старые часы с маятником расположились в углу, отсчитывая бег времени. Минимум мебели. За столом хозяина кабинета находилась дверь, ведущая в смежную комнату.

Дверь отворилась, и в кабинет вкатился колобок в измятом пиджаке, со щетиной на надутых щеках. Комичный образ не вязался с распространяемой вокруг аурой могущества и власти, коснувшись которой бойцы ощутили себя букашками. Этот человек одним взглядом мог подчинять себе армии и умирять народные массы.

Полумрак в смежной комнате рассеивало голубое свечение экрана телевизора, и тишина нарушалась лишь голосом диктора «Вестей», характеризующего обстановку в столице и по стране в целом.

Устраиваясь удобней, хозяин кабинета поерзал в кресле и, затянувшись сигаретой, долго молчал, буравя взглядом собравшихся. Удивительно, но на его пиджаке отсутствовал уже привычный депутатский значок, да и сам он, похоже, ни разу не появлялся перед телекамерами. Личность, неизвестная обывателям, Мистер Х.

– Товарищи, – привычно обратился он к собравшимся голосом, закаленным многочисленными партсобраниями и заседаниями Верховного Совета. – Я не буду ходить вокруг да около – у нас с вами нет для этого времени – а перейду сразу к делу. Вы прибыли на защиту законной власти одними из первых, что говорит о ваших высоких моральных качествах и о понимании крайней сложности сложившейся политической ситуации. Учитывая это, мы считаем правильным всецело доверять вам. Сейчас двадцать два часа, на площади собрался народ, осознающий всю необходимость демократических преобразований в стране. По последним подсчетам, это около шести – семи тысяч человек, и они, наконец, хотят знать, что происходит, и чем они могут помочь. Надо пресечь всякую возможность дезинформации и направить народ в правильное русло, организовать его. Мы не должны потерять поддержку толпы... – чиновник замялся, небрежно произнесенной «толпой», нечаянно сорвавшейся с языка, он показал свое отношение к электорату, о котором призван был заботиться на государственной службе. – Никто не должен сбить народ с истинного пути. Ваша задача: информировать массы, доносить до них слово законно избранной власти. Периодически вы будете узнавать свежие новости из первых рук и информировать об этом людей вокруг здания парламента РСФСР.

Вышел уже третий Указ Президента России, в котором Борис Николаевич обвиняет хунту в нарушении Конституции СССР и Уголовного кодекса РСФСР, в измене Родине и народу и постановляет... – Он взял со стола лист бумаги и нацепил на нос очки в тонкой золоченой оправе. – Постановляет: сотрудникам внутренних дел, прокуратуры, госбезопасности Советского Союза и России, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбу народа, дается право действовать на основании Конституции и прочих законов СССР и РСФСР. Борис Ельцин обещает им моральную поддержку и, что более важно, правовую защиту. Запомнили? Вопросы есть?

Он вперил взгляд в своих слушателей.

– Так точно! – один из десантников поднялся, и на диване сразу стало свободно, – это правда, что здание будет штурмовать «Альфа»?

Чиновник выдержал паузу, а потом медленно, с расстановкой, чтобы каждое слово дошло до сознания, ответил:

– Да, такой вариант развития событий возможен, но мы уверены, что ГКЧПисты не осмелятся отдать подобный приказ. Уже сейчас вокруг здания многотысячная толпа, и она прирастает. Позже будет только больше. Бойцы «Альфы» тоже люди, причем люди, натренированные бороться с врагом, террористом, а не идти против невооруженного, незащитного человека. Хунта должна понимать, что, отдав приказ спецназу, тем самым прольет море крови, окончательно потеряв поддержку советских граждан.

– А вы думаете, что если «Альфа» не пойдет на штурм, крови будет меньше? – спросил Алекс обыденным тоном, не особо надеясь на ответ. – Армия все еще подчинена ГКЧП. Завтра здесь могут быть танки.

– Там те же солдаты и офицеры, – чиновник всем своим видом выказывал полную уверенность в словах, заражая ею окружающих, – мы это учли. Танки не переедут через своих матерей.

– Ну что ж, раз так...

– Мы можем идти?

Хозяин кабинета утвердительно кивнул головой.

– Оружие оставьте здесь. На площади оно вам не пригодится.

Выбравшись из лабиринта на лестницу, они неспеша пошли вниз. Не говорили ни слова, каждый думал о чем-то своем, может, о ближайшем будущем, которое ждет страну после этих, в буквальном смысле, переломных событий. И смогут ли они увидеть это будущее, не выльется ли сегодняшнее противостояние в настоящую войну, гражданскую войну. А уж войну-то они видели совсем недавно.

Все четверо вышли на улицу и ужаснулись...

* * *

Огромная серая масса человеческих тел, море людей разлилось на площади перед зданием парламента РСФСР и колыhalось. Ему не было ни конца, ни края, и каждый здесь занимался своим вполне конкретным делом. Казавшаяся неорганизованной толпа на самом деле представляла из себя четко слаженный работающий механизм. Кто-то орудуя ломом вытаскивал огромные булыжники из мостовой, кто-то разбирал близлежащую изгородь. Неизвестно откуда тащили арматуру. Возводились баррикады. В своем единстве народ принял решение держаться до конца, отстаивая демократию и свободу. В кромешной тьме умудрялись отличать своих от чужих. Находились архитекторы, активно руководящие и принимающие непосредственное участие в строительстве укреплений. Все делалось быстро и слаженно.

Время от времени подходили разные по составу и количеству группы людей для защиты здания правительства. Чей-то осипший голос постоянно скандировал: «Долой хунту. ГКЧПистов за решетку».

Четверка окунулась в толпу и мгновенно растворилась. Они понесли «слово законно избранной власти» массам. Все подались в разные стороны, только молодой капитан выплыл из пучины и прилип к Алексу. Он не стал возражать: прилип, так прилип. У каждого своя работа.

Глашатаи действовали по-братски слаженно. Сначала завязывался разговор с одним человеком, затем подтягивались другие, жадные до свежих новостей и сплетен. Они, в свою очередь, сообщали об услышанном стоящим рядом, и вот уже народная молва разносит информацию с невероятной быстротой, передает из уст в уста, преобразовывая, в конце концов, исходные новости в народную сказку, приправляемую все новыми и новыми подробностями, придуманными рассказчиками на ходу.

С информацией проблем не было.

Завидев издали внушительную комплекцию Алекса, пожилой небритый мужчина, с тлеющим в уголке рта «Беломором», попросил оказать посильную помощь в возведении баррикад.

Широко расставив ноги на песке, где еще пару часов назад была выложена мостовая, Алекс влился в живую цепь, по которой из рук в руки передавались каменные глыбы, куски недавнего дорожного покрытия, служившего сейчас основным строительным материалом.

Бом-бом!

Время шло. Отдельно взятый булыжник для него практически ничего не весил, но их передавали один за другим, без остановки, точно на конвейерной ленте. Острые края остатков мостовой впивались в ладони, рвали кожу и мышцы. Полностью отдавшись монотонной работе, он не обращал внимания на возникшую боль, пока стоящий рядом сосед пенсионного возраста заботливо не порекомендовал ему отдохнуть и продезинфицировать руки спиртом.

Алекс спорить не стал, вняв совету, хотя ему было все равно, чем заниматься, ожидая приказа.

Провалившийся неизвестно куда капитан вновь появился и протянул ему тонкую иглу с маленьким белым шариком вместо ушка.

– Это передатчик. Ситуация осложнилась. Команду могут отдать в любой момент. Потому вещь необходима, – прокомментировал он свой «подарок».

Алекс пожал плечами и воткнул иглу в ворот рубашки так, чтобы ее не было видно. Часы показывали полночь. Возле застывшего бронированной машиной танка раздавали еду.

Перекусив бутербродами и запив их чаем, они вернулись в здание Верховного Совета РСФСР и, поднявшись на лифте, прошли в кабинет своего временного руководителя. Тот сидел за столом, уплетая пирожные и запивая их кефиром прямо из пакета.

– Присаживайтесь, ребята, – предложил он, – я сейчас еще достану. Составите компанию?

Сейчас он выглядел гораздо привлекательнее и человечнее, чем во время недавнего инструктажа. Железная маска спала с его лица, и на нем нашли свое отражение обыкновенные эмоции: голод, жажда, удовольствие от чревоугодия.

Капитан отказался:

– Мы только что перекусили на улице. Там женщины еду принесли.

– Что, бутерброды и чай? – ухмыльнулся чиновник.

– Да, мы с народом, – позволил себе съязвить Алекс.

– Ну, как хотите, – жестом заправского баскетболиста политик послал пустой пакет в корзину, – как хотите, – он отодвинул тарелку с эклерами в сторону и посмотрел на отдельные листы на столе. – Значит, так: сейчас сюда прибыл мэр Москвы Гавриил Попов. Известите народ, что завтра в полдень намечается митинг на Манежной площади, санкционированный Лужковым⁴ [*Лужков Юрий Михайлович, в августе 1991 года – вице-мэр Москвы и председатель московского правительства*]. Сейчас у стен Белого Дома около десяти тысяч защитников, и их число постоянно увеличивается. Кроме того, все новые и новые части Вооруженных сил СССР переходят на нашу сторону. Скоро должны появиться автомобили Тульской десант-

ной дивизии, Рязанского полка. Ваша первостепенная задача – рассеять панику у народа. Грузовики с военными могут произвести неправильное впечатление. Пока что это все.

На площади по-прежнему суетились тысячи людей. То здесь, то там слышались голоса, критикующие действия ГКЧП. Посреди людского океана островами возвышались сооруженные наспех заграждения из камней, арматуры, элементов ограды, мусорных баков, и возводились все новые и новые. С нескончаемым энтузиазмом и энергией защитники Белого Дома трудились, возводя стены для обороны своей власти, власти народа – демократии. Время неумолимо бежало вперед, но работы не прекращались ни на минуту, прибывали новые люди, из близлежащих домов женщины подносили продукты, пытаясь утолить голод защитников.

Алекс лавировал в толпе, активно общаясь с защитниками, щедро делясь новостями. Таких, как он, праздно шатающихся, на площади были уже сотни. Большинство, конечно, пришло к Белому дому отстаивать свои идеалы и своего Президента, но хватало и тех, кто явился поглазеть и поразвлечься на «массовых гуляниях», попросту зевак. От каждого третьего пахло алкоголем – где-то недалеко разливали водку.

Единый порыв толпы заряжал энергией. Готовность сложить голову за мнимую свободу и неосязаемое будущее поражала воображение. Алекс не верил, что можно освободиться из оков, оковы – символ порядка. Из своего воспитания он вынес две вещи: подчинение приказам и невмешательство в дела сильных мира сего. Политика – грязное дело. Это он знал всегда, но задумался только сейчас, здесь, на площади, окунувшись в народное волнение, всем своим естеством ощущая тревогу, нависшую в воздухе, кожей впитывая адреналин и страх защитников. Никогда раньше ему не доводилось сталкиваться так близко с людской бедой, порождаемой борьбой за кресло, за власть. Всегда была только работа, никаких эмоций, ничего личного. Он получал приказ о ликвидации объекта, после чего нажимал на спусковой крючок или на кнопку на пульте дистанционного управления. Не стоило даже разбираться во внутреннем мире своих жертв, в их деятельности и причине, по которой выносился приговор.

Бах! Готово, приказ выполнен.

Сейчас все оказалось по-другому. Он вплотную прикоснулся к людям, к их настроению, впервые увидел граждан, готовых пожертвовать жизнью во имя общечеловеческих ценностей и идеалов, вбитых им в голову партократами. Их никогда не учили этому, но они свято верили в чистоту своей мечты, склоняя голову на плаху.

Однако, оказавшись по долгу службы втянутым во внутренние разборки властителей судеб, он увидел отношение к одному отдельно взятому человеку-винтику в огромной машине Власти, к тому самому винтику, который не щадя живота своего отстаивает ее. Ему хватило поверхностного восприятия, не погружаясь в глубины человеческого сознания. Алекса, наплевавшего на жизни одного или десятков людей, шокировало равнодушное отношение к обывателю, политики не гнушаются сложить огромное количество голов... чужих голов во имя достижения собственных ничтожных целей.

Он тоже лишь винтик в системе, без которого можно обойтись, выкинуть как ненужную, отработанную деталь. Не приходилось питать иллюзий: эта операция станет последней в его трудовой биографии при любом развитии событий. Ликвидаторы долго не живут, так же, как и империи, одна из которых сейчас трещала по швам. Эта империя – СССР.

Его работа не подразумевала карьерного роста, Алекс всегда довольствовался собственным местом под солнцем, никогда не считал себя распорядителем человеческих судеб. Да, он убивал, но убивал виновных. По крайней мере, всегда верил, что каждый из объектов заслуживает смерти. Но разве случалось такое, чтобы при ликвидации страдали посторонние? Никогда! Конечно, спецслужбы западных стран вылавливали псевдо убийц, но разве в этом его вина?

Какой-то новоявленный оратор распинался, стоя на бампере военного «Урала». В клетчатом пиджаке, мятых костюмных брюках, с торчащими в разные стороны из-под видавшего виды бордового бархатного берета растрепанными волосами и седой бородкой клинышком, он

походил на художника. Это был образ представителя интеллигенции времен НЭПа. Он, брызжа слюной, активно жестикулировал, то и дело, теряя равновесие и едва не падая в толпу, агитировал людей не покидать площадь, чтобы не позволить войскам отобрать бразды правления у демократов. Пронзительный голос дрожал, но искра, горящая в нем, привлекала все новых и новых слушателей. Народ был уже на взводе, готовый последовать за любым человеком, который поведет их к светлому будущему и покажет, наконец, долгожданный свет в конце тоннеля.

К этой пороховой бочке достаточно было поднести спичку, и последует взрыв народного негодования.

Выступление шуплого оратора пестрело лозунгами и обещаниями, в которые верили и которые поддерживали стоящие с раскрытыми ртами слушатели. Все здесь оказались в одинаковом положении: и художник, вышедший из народа, и толпа у его ног – все были равны, служа примером единства и сплоченности. И если кто-нибудь провел бы сейчас вошедший в моду за последние годы референдум, то именно этого человека, несомненно, избрали бы в Президенты большинством голосов, несмотря на то, что говорил он от лица Ельцина, Руцкого⁵ и Хасбулатова⁶ [*Руцкой Александр Владимирович – генерал-майор авиации, в августе 1991 года вице-президент РСФСР; Хасбулатов Руслан Имранович – российский учёный и публицист, член-корреспондент РАН (1991), в августе 1991 года председатель Верховного Совета РСФСР*].

– ... и долго ли нам терпеть это издевательство, сколько можно?! – верещал он, набирая обороты, – долго еще на нас будут ставить опыты, использовать как подопытных кроликов?! Я вас спрашиваю, товарищи, господа, – он взмахнул рукой над всеми слушавшими и не слушавшими его людьми. – Неужели мы все стерпим? Нет! Я говорю, нет! Мы говорим – довольно! Семьдесят лет нас стригли под одну гребенку, и теперь, казалось бы, когда мы освободились, расправили плечи, нас пытаются втиснуть в прежние рамки! Долой ГКЧП! Долой хунту! – заорал он что было мочи лозунги, оказавшиеся в эти дни на каждом заборе, и люди подхватывали его слова. – Да здравствует Борис Ельцин! Свободу Президенту СССР!.. Вперед на Кремль!

Оратор неожиданно сник, отдав все силы выступлению, и неуклюже стал слезать на землю с высокого грузовика. Два дюжих молодца, подхватив его под руки, помогли спуститься. По толпе пронесся ропот: «Правильно говорит. Кто выполнит наши обязанности и изменит нашу жизнь? Надо согнать эту шайку с их насиженных мест...»

На «трибуну» вскарабкался небритый, как минимум, неделю мужчина неопределенного возраста, с кепкой на седой голове.

– Товарищи, матери наши... – обратился он к женщинам, невольно сощурившись – прожектор выхватил из ночной мглы его лицо.

Алекс пошел дальше, не оглядываясь по сторонам, пробираясь к берегу людского моря, на окраину толпы. Сбоку вниз тенью скользнула чья-то рука, и секунду спустя из кармана слаксов на волю поехал бумажник. Сейчас улицы, прилегающие к Дому Советов, стали настоящей золотой жилой для карманников и иже с ними. В толчее можно пройтись по бесчисленным карманам и сумочкам, оставаясь незамеченным. Кто-то отстаивал идею, а кто-то зарабатывал на хлеб.

Резко накрыв ладонью чужую руку у себя на бедре, Алекс с силой сжал ее, почувствовав, как захрустели кости карманника, и локтем ударил назад, не оборачиваясь. Раздался хриплый выдох, воришка обмяк, а Алекс зашагал дальше, как ни в чем не бывало, удостоверившись в сохранности своего имущества. Сзади слышались причитания окружающих, посчитавших гримасы боли и сбившееся дыхание корчившегося на асфальте мужчины следствием переутомления.

– Неплохо, неплохо, – догнал Алекса капитан, – зачем ты его так сильно?

– Ему не повезло, – без тени сострадания ответил Алекс, – издержки профессии. Ты, между прочим, свои карманы проверь.

– Не понял?..

– Проверь, проверь. А то мало ли что...

Капитан полез по карманам. Самодовольство мигом сменилось испугом. Кровь отхлынула от лица, и Алекс понял, что неприятности только начинаются.

– Черт, бумажник исчез.

– Я же тебе говорил, – Алекс с тоской смотрел на капитана. Точно штабист. Работа в поле его доконает. – Чего так переполошился? Ну, остался без денег, будет наука на будущее.

– Хрен с ними, с деньгами, – капитан стал темнее тучи, – там удостоверение сотрудника госбезопасности было.

Это не неприятности. Это провал. Алекс покрутил головой, выискивая в толпе щипача, но тщетно. Какого черта он поперся в стан к врагу с ксивой, еще бы форму одел! Ну и дали напарничка...

– Тихо, – оборвал он капитана, на них уже начали оглядываться, – а ну-ка пошли. Сопли собери!

Они скрылись во дворе одного из близлежащих домов и присели на скамейку перед подъездом. Долго молчали.

– Что же делать?! – нарушил тишину капитан.

– Да ничего, сиди и помалкивай. Не хватало еще засыпаться у себя же дома из-за какого-то идиота. И где только таких находят? Ты же понимаешь, что если по твоей вине сорвется операция, то Сибирью или Колымой не отделаешься. Жить нам с тобой тогда, как говорится, до понедельника.

– Слушай, а может, все еще обойдется?

Алекс смерил капитана неприязненным взглядом: а что, если это продуманная провокация против него или же умышленный слив поставленной задачи?

Что ж, время покажет.

– Не знаю, думай.

Похлопав капитана по плечу, Алекс встал и быстрыми шагами пошел обратно. Впервые за время службы ему в напарники дали человека не из его круга, чужого, и это не могло быть простым совпадением. Но, в любом случае, поставленную задачу он должен выполнить без учета возможных потерь, потому пора искать выход из сложившейся ситуации и вернуть операцию в правильное русло.

Он оглянулся назад, виновника возможного провала и его потенциального ликвидатора за спиной не было. А это уже непростительная ошибка: теперь капитан должен быть всегда на виду, дабы не выкинул каких-нибудь неожиданностей.

Бом-бом!

Было четыре часа утра двадцатого августа.

У Белого Дома по-прежнему находилось огромное количество народа. На одном из танков Таманской дивизии, подобно Президенту РСФСР, выступал молодой парень. Он не родился оратором, но содержание его речи интересовало людей как ничто другое в данный момент. Он говорил о том, как Борис Ельцин пытался связаться с исполняющим обязанности Президента СССР Геннадием Янаевым⁷ [*Янаев Геннадий Иванович, в августе 1991 года – вице-президент СССР, председатель ГКЧП*] и, когда все-таки удалось поговорить, получил ответ, который знала уже вся страна: мол, Горбачев по состоянию здоровья не может в данный момент занимать свою должность. Кроме того, всем иностранным телерепортерам запретили передавать за границу видеоматериалы, было получено разрешение вывозить за рубеж только звуковую информацию.

– Нас здесь уже более пятнадцати тысяч человек, – бодрым голосом говорил он, – и это данные на три часа ночи. Несколько часов назад парламент обратился к радиолюбителям с призывом «донести голос правительства России до народа». Без пятнадцати три ночи начала

вещать первая любительская радиостанция, передающая в эфир все обращения и программы из Белого Дома.

В северной столице нас поддерживают: перед ленинградцами выступил Анатолий Собчак. Мэр предупредил коменданта Ленинграда об уголовной ответственности, если тот издаст противозаконные приказы.

Алекс побрел дальше. Он был чужим здесь, не разделял общих эмоций и сохранял самообладание. Толпа шумела и приходила в ярость от собственного бездействия и беспомощности. Ему стало известно, что у первого подъезда собирают отслуживших в армии мужчин, чтобы охранять лестницы в здании парламента, и он направился туда. Добровольцев было уже довольно много, все стремились принять посильное участие в борьбе за власть народа, спешили внести свой вклад в защиту демократии. Нечего и говорить, что никто не желал уступить своего места ближнему, тем более что охрану практически укомплектовали.

Человек, проводивший набор, издав издав завидев его фигуру, подозвал его к себе. Именно он вчера обратил внимание на Алекса и выдал автомат, сейчас же Алексу сказали, где он будет находиться. Времени для лишних слов не осталось.

* * *

На дирижабле, зависшем над Краснопресненской набережной, развевается большой российский флаг. Такие же, только гораздо меньше – в руках сотен людей, на автомобилях и одном из танков.

В радиорубке меняются журналисты, многие просят прощения у Горбачева. «Михаил Сергеевич, вы – мой Президент!»

* * *

В Доме Советов РСФСР начался монтаж еще одной радиостанции, планировалось, что она будет вести трансляцию на средних волнах на всю территорию страны.

– Ты знаешь, говорят, мы уже не одни, – молодой паренек затыкнулся сизым дымом сигареты.

Они сидели втроем на ступеньках и от безделья начали играть в карты, благо у одного из новоявленных бойцов оказалась выдавшая виды колода.

– Да ну?..

– Нет, правда!

– Знаем, десантники перешли на нашу сторону, – вяло заметил Алекс, не разделяя всеобщего оптимизма, – уже часа четыре, как они с нами. Только вот неизвестно, почему мы охраняем парламент, и где они. Если только войска не послали на захват более важного стратегического объекта...

– Угу, телецентра, например, – парень чиркнул зажигалкой, так как его сигарета погасла, – а то «Лебединое озеро» осточертело уже. С самого утра крутят, у них что, нечего показывать больше?! Кстати, говорят, на нашу сторону перешел гарнизон Сахалина в полном составе.

– О, поддержка на Дальнем Востоке – то, что надо! А «Лебединое озеро», между прочим, неплохая вещь. Классика... Чайковский, как-никак.

– Но не с утра же до вечера...

Алекс отбил последнюю карту.

– Я «вышел», а вы играйте. Что там, на воле еще новенького? Торчу здесь с десяти утра, надоело бездействовать.

– Почти сутки? Ну, ты даешь. Это ты нам должен рассказывать. Мы с Шуриком тут только с десяти... вечера. Как узнали про сопротивление, сразу сюда. Не хочется терять недавно обре-

тенную свободу... Тыфу ты... Я из-за тебя «остался». Заговорил мне зубы, понимаешь ли, – парень с напускной обидой начал перемешивать карты.

– Ты давай, сдавай. Скучно. Знаете что, ребята, сидите здесь, а я сбегаю на улицу, возьму что-нибудь поесть, – Алекс вскочил и шустро побежал вниз по лестнице.

Светало. Он взял четыре булочки и два бумажных стаканчика с остывшим кофе и вернулся. Напарники его ждали.

– Ну что там, на улице? – спросил Шурик, точно сошедший с экрана герой гайдаевских комедий.

– Как и раньше. Люди не знают чем заняться. Носятся по площади, суетятся, пьют. Ничего нового.

Высшие политические чины в это время не спали. Без охраны Руцкой, Силаев⁸ [*Силаев Иван Степанович, в августе 1991 года – председатель Совета Министров РСФСР*], Хасбулатов поехали в Кремль для того, чтобы предьявить Лукьянову⁹ [*Лукьянов Анатолий Иванович, в августе 1991 года – председатель Верховного Совета СССР. В состав ГКЧП не входил, но, по мнению многих экспертов, мог быть одним из инициаторов путча*] ультиматум.

* * *

Начался дождь. Казалось, сама природа противится развивающимся событиям и призывает людей к примирению. Народ от затянувшегося состояния неопределенности был крайне возбужден, и многотысячная масса возле Белого Дома доведена до «точки кипения». В ближайшие часы ожидался штурм российского парламента.

Страна не дремала. В Таллин вошла колонна из ста танков и направилась к заводу «Двигатель» – месту наибольшего скопления русскоязычного населения.

Мгновенно возникли вопросы: «кто виноват?» и «что делать?».

Страна, уже давно не видевшая единства, разделилась на два лагеря: «за» и «против» ГКЧП. С замиранием сердца все ждали развязки сложившейся ситуации.

– Что творится. Ужас, – Алекс сидел на ступеньках, зажав голову руками. Совсем недавно он и представить себе такого не мог. Нормы, вдалбливаемые в его сознание на протяжении всего «воспитания» под крылом у спецслужб и казавшиеся святыми, сейчас бездушно попирались.

– Почему «ужас»? – задорно интересовался Шурик, указательным пальцем поправляя на носу очки, – все клево. Мы пишем новую историю нашей страны, куем свое собственное счастье. Посмотри, мы же все здесь единомышленники.

Алекс поразился настрою своего собеседника.

– Ты действительно в это веришь? И тебя действительно не волнует то, что может произойти дальше? Думаешь, мы тут посидим, покурим, бутерброды пожуюм и по домам разойдемся?

– Мы будем стоять до конца! – с вызовом ответил Шурик.

– И тебя не пугает, что в Москве сейчас находятся две дивизии: танковая и мотострелковая, плюс ОМОН – два подразделения. – Алекс продолжал стоять на своем, упирая на здравый смысл, – или ты считаешь, что мы числом победим? Нас уже, наверное, около двадцати тысяч собралось.

– Откуда ты это взял, – не разделяя энтузиазма Шурика, ввязался в разговор третий и уточнил, – про войска и ОМОН?

– Я же сказал, что я здесь уже больше двадцати четырех часов. Я уже и народ информировал о происходящем в городе и в стране, и кабинеты охранял на... – Алекс назвал этаж, – так что я, можно сказать, здесь все вдоль и поперек исходил.

– Нам ни танки, ни ОМОН не помеха, – Шурик был непреклонен, – на нашей стороне правда! А таких как ты, – сощурив глаза он злобно посмотрел на Алекса, крепко сжимая в руках автомат, – надо без суда и следствия... по законам военного времени... Чтоб не устраивали провокаций!

Запахло жареным, но ни один мускул на лице Алекса не дрогнул, и он продолжал так же расслабленно сидеть, оставив «калашников» в сторону, прекрасно понимая, что любое резкое движение приведет к печальным последствиям для одной из сторон. Конфликт необходимо локализовать.

– Эх, молодежь, – он скупно улыбнулся, – горячая кровь. Стоит отдавать себе отчет, что ГКЧП опирается на силу. У них Язов¹⁰, Пуго¹¹, Крючков¹² [*Язов Дмитрий Тимофеевич, советский военный и политический деятель, последний Маршал Советского Союза, в августе 1991 года – министр обороны СССР, член ГКЧП; Пуго Борис Карлович, в августе 1991 года – министр внутренних дел СССР, член ГКЧП; Крючков Владимир Александрович, генерал армии, в августе 1991 года – председатель КГБ СССР, член ГКЧП*]. У них отличные от наших идеалы, им надо сохранить империю, создаваемую на протяжении семидесяти лет. Так что, если мы хотим победить, то нам придется сражаться. Возможно, сражаться с оружием в руках, и кто-то из нас, может быть, пожертвует своей жизнью во имя свободы других... Я говорю только об этом, а ты сразу за автомат хватаешься...

Алекс прямо посмотрел Шурику в глаза, своей уверенностью заставив того опустить оружие.

– Мы обязательно победим! – молодой человек нисколько не сомневался в сказанном.

* * *

Несмотря на дождь, защитники не покинули здание парламента и Краснопресненскую набережную. В их руках появились палки, и люди терпеливо ждали своего часа.

* * *

Войска расположились в центре, в районе станции метро «Кировская»¹³ [*ныне станция «Чистые пруды» московского метрополитена*], в Кунцево и на Ленинградском проспекте. По этому поводу председатель ВГТРК¹⁴ [*Федеральное государственное унитарное предприятие «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания», образовано 14 июля 1990 года постановлением Президиума ВС РСФСР*] Олег Попцов призвал руководителей автотранспортных предприятий, москвичей с целью воспрепятствования продвижению танков создать кольцо из тяжелой техники вокруг Белого Дома.

Депутаты Верховного Совета РСФСР выехали навстречу танкам, продвигающимся к парламентам.

* * *

Мужчин, охранявших здание, разделили на десятки.

В руках защитников появилось новое оружие – бутылки с зажигательной смесью, «коктейль Молотова». Алекса как бывшего десантника попросили провести инструктаж и необходимое обучение «резервистов». Ему не оставалось ничего, кроме как согласиться.

Ученики в большинстве своем оказались талантливыми, и особых проблем с ними не возникло. Все схватывали на лету, и не требовалось специально разжевывать каждому. Ополченцам – и пожилым, и молодым – всем без исключения, пришлось постигать заново или же оживлять в своей памяти военные знания, полученные во время службы в армии. С одинаковым рвением постигали новое пожилой слесарь и молодой водитель автобуса, грузчик и продавец.

Пьяных отсекали сразу: такие ученики скорее паразитировали на народном волнении, нежели приносили какую-то пользу.

Женщин поначалу попросили уйти от Белого Дома, но уже мгновение спустя, обратились к ним в рупор с просьбой выйти к солдатам и уговорить их не стрелять в народ. Они растянулись полукругом, и неизвестно откуда в их руках появился плакат: «Солдаты, не стреляйте в матерей!»

Инструктаж был окончен, и Алекс подивился той собранности, с которой действовал народ, будто направляемый неведомой рукой.

Очередной указ Президента РСФСР провозгласил о назначении контр-адмирала В.Н. Щербакова командующим Ленинградским военным округом и подчинении ему всех подразделений Ленинграда.

Бом-бом!

События начали развиваться с невероятной быстротой. Время ускорило бег, и в Москве был введен комендантский час с двадцати трех часов до пяти утра, но люди и не собирались расходиться. За одни сутки они, собравшиеся на Краснопресненской набережной, стали добрыми друзьями.

* * *

«Я не верю, что Анатолий Лукьянов не знал о готовящемся перевороте», – заявил Борис Николаевич Ельцин.

* * *

В толпе и в здании появились люди, вооруженные автоматами АКС, но окружающие восприняли это как должное, не обратив на них никакого внимания.

В черных масках, полностью скрывающих лицо, ходили сотрудники бюро «Алекс»¹⁵ [*Бюро «Алекс» – одна из первых частных компаний в СССР, работавшая в области обеспечения безопасности, в августе 1991 года по просьбе правительства РСФСР подразделения Бюро Алекс обороняли здание Верховного Совета*].

– Каким образом вы-то здесь оказались? – спросил Алекс у «тезки», – вы же не подчиняетесь парламенту.

– Мы приданные силы. Руководство сделало ставку на команду Ельцина, – ответил «черный чулок», – если проиграем, то полетят головы. А так посмотрим, время покажет. Мы играем в русскую рулетку. Все: и ты, и я, и народ, и даже эти, – он указал пальцем вверх, – пан или пропал.

– А сам, что думаешь?

– Не скажу, – под маской обозначилась улыбка, – а вот, не скажу. Кто тебя знает.

– И я так думаю, – Алекс пожал руку «Алексу», – кто это с «калашниковыми»?

– Друзья! Белый Дом находится под охраной российского МВД, – «тезка» присел на корточки, – ох, что ночью будет. И покурить-то нормально нельзя, маска поганая мешает. Новости слышал?! Война идет во всех эшелонах власти. Янаев отменил все три указа Бориса Ельцина, так как они «противоречат законам и Конституции СССР», – он скорчил гримасу, – кто их разберет.

– Там черт голову сломит в этих законах, – подыграл Алекс. Ориентироваться в законах стран, где приходится работать – издержки его профессии. В Союзе же, где жизнь всегда текла в заданном русле, граждане мало интересовались правилами. Опирались скорее на мораль и «что такое хорошо и что такое плохо».

– То-то и оно, – парень баловался зажигалкой, то и дело зажигая пламя и тут же гася его, – к чему все это? Все равно никаких прав не имеем, а чиновники, кому надо, пусть учат

пресловутые законы. То ли дело на «загнивающем Западе»: права человека, собственности. В полицию попал, тебе десять раз твои права зачитают.

– Ничего, скоро и у нас все будет, – не разделял пессимизма Алекс.

– Какое там! Если только внуки доживут или правнуки.

– Неужели, ты такой старый? – иронично заметил он.

Но собеседник не обратил внимания на издевку.

– Надоело, – парень встал и, повернувшись, скрылся за углом.

Алекс прошел по коридору и вышел на улицу.

Прошел слух, что на Манежной площади замечено движение танков с замазанными номерами. Раз пошли на такое, то будут не только запугивать, но и действовать. По мнению людей на набережной, бронетехника направляется к парламенту.

– Земля слухами полнится, – хладнокровно прокомментировал это известие Алекс.

Он привык ждать подходящего часа для выполнения приказа, мог часами сидеть, глядя в окуляр снайперского прицела, или стоять под проливным дождем. Но ожидание в нынешней ситуации и полная неопределенность впереди его тяготили, рождая в уме неблагонадежные мысли. Если там, наверху играют в кошки-мышки, то должен ли он слепо потакать указаниям свыше?

Народ с готовностью ждал обещанного момента. Часть «демонстрантов», доведенных до «кондиции» алкоголем, расходиться не желала. Другие – и их было много больше – чувствовали остроту момента, понимали, что именно их руками творится сейчас история, не могли покинуть поле боя. Война уже идет: столкнувшись два времени – старое и новое – не могли уже разойтись в разные стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.